

Тридцать первый год эры Дигэн миновал в шумных празднествах и суете, уступив место началу тридцать второго года.

Первая госпожа усадьбы Ху, Цзи Муюнь, после девяти месяцев беременности благополучно разрешилась от бремени сыном.

В ознаменование того, что прошлый год миновал благополучно и наступили новые времена, десятого молодого господина семьи Ху нарекли Ху Пиннянем.

Во Дворике Нефритового Ириса Ху Пэй сердито воззрился на белую лису Фэйбая и шумно вздохнул.

— Ты же говорил, что родится дочь! — Ху Пэй недовольно прищурился. — Почему у матушки родился сын?

Осколок души Повелителя Грома взглянул на Ху Пэя невинными глазами белого лиса.

— О подобных вещах тебе стоит спрашивать собственных родителей, а не меня.

Ху Пэй иронично вскинул левую бровь:

— Неужели у душ нет пола? И все зависит лишь от смертной плоти младенца?

«С чего бы мне обсуждать подобные вопросы с Чжаогэ?» — подумал Повелитель Грома. Эта мысль мгновенно унесла его память на тысячу лет назад.

Перед глазами встал образ: яркое алое платье и взмах меча. В те времена Чжаогэ был лишь юным практиком, едва достигшим стадии Золотого Ядра. Матушка заперла его на горе Гунь и растила как девочку, в окружении служанок и дочерей старейшин, но упрямый мальчишка во что бы то ни стало вознамерился напроситься к нему в ученики.

— К концу этого года я точно завершу обучение в Государственном университете и получу чин при дворе, — выжидающе спросил Ху Пэй. — Когда ты собираешься оставить это тело и вернуться в свои Девять Преисподних?

Осколок души Повелителя Грома, вырванный из воспоминаний прошлого, мгновенно посмурнел и сухо бросил:

— Вместо того чтобы совать нос в дела младшего брата, лучше бы усерднее упражнялся в игре на цине.

В конце прошлого года студенты Государственного университета пригласили Ху Пэя на Террасу Крика Журавля, чтобы «с помощью музыки обрести близких по духу». Однако, если говорить начистоту, все познания Ху Пэя в музыке ограничивались парой детских уроков. Стоило ему коснуться струн, как обман тут же раскрылся бы. Пришлось сослаться на недомогание и вежливо отклонить приглашение. И все же неумение играть на цине оставалось его уязвимым местом. Ему во что бы то ни стало требовалось освоить этот инструмент.

Разумеется, учиться открыто он не мог — это разрушило бы его репутацию одного из десяти мудрецов Поднебесной. Единственным выходом было обратиться за помощью к Повелителю Грома, чья воля временно занимала тело белого лиса.

Истинное воплощение Повелителя Грома в Цзюю сейчас сбивалось с ног. После того как в мире Цзюньчжоу завершилась великая битва и была рассечена небесная расщелина, души павших культиваторов хлынули в подземный мир нескончаемым потоком. Их нужно было принять, очистить от скверны, стереть воспоминания и отправить на перерождение. Дел было невпроворот, поэтому, получив весточку от своего осколка в белом лисе, он лишь коротко велел тому поступать по собственному усмотрению.

Так осколок души в теле Фэйбая согласился обучать юношу. Каждый раз после занятий в университете он, оставаясь в обличье лиса, наставлял Ху Пэя в игре на древнем цине Минчжэн.

Во время этих уроков Повелитель Грома все чаще уносился мыслями к ушедшим векам, на окутанную туманами Гору Накопления Грома в Западном море. Он вспоминал своего ученика, который сначала ходил в девичьих платьях, но, едва осознав разницу между полами, облачился в мужские одежды. Простая зеленая мантия, бамбуковый меч на поясе — легкий, порывистый, чистый, точно молодой бамбук под весенним дождем.

Неугомонный Чжаогэ, бывало, весело звал его: «Учитель!..» Голос его звенел чистейшим горным ручьем, а звуки его бамбуковой флейты проникали в самое сердце, заставляя цвести сухие горные склоны.

Каждое мгновение, проведенное с Чжаогэ, теперь всплывало со дна памяти с пугающей четкостью. Истинный Повелитель Грома в подземном мире не смел тревожить эти воспоминания, но здесь, в мире смертных, его отделенный осколок бередил старые раны, делая их яркими и болезненными.

Чжаогэ виртуозно владел флейтой — ее мелодии, чистые и раздольные, струились подобно водопадам Горы Накопления Грома, исцеляя душу и разум. Нынешний же Ху Пэй... увяз в мирской суете, борясь за чины и славу. Это было так не похоже на прежнего бунтаря.

Повелитель Грома молча смотрел на Ху Пэя, небрежно перебиравшего струны циня. Окунувшись когда-то в Пруд Перерождения, юноша начисто забыл все, что связывало их на Горе Накопления Грома. Но осколок души в теле лиса, вынужденный изо дня в день быть рядом с ним, терял покой от нахлынувших чувств. Что произойдет, когда это крошечное

сознание вернется к истинному телу и сольется с ним воедино? Чжаогэ всегда оставался тем самым учеником, ради которого строгий учитель шел на любые уступки, как бы тяжело это ни было.

Тем временем Ху Пэй мягко прижал ладонь к струнам, гася вибрирующий звук. Он скользнул взглядом мимо резных дверей во двор, где высилась старая раскидистая сосна. В туманной глубине его памяти иногда всплывал смутный силуэт человека, сидящего перед инструментом. Тогда его струнам вторил иной, незнакомый напев, но какой именно — вспомнить не получалось. В душе поднималась тонкая, едва уловимая радость, смешанная со странной тревогой и нетерпением.

Это смятение заставило его невольно прижать ладонь к груди. Он оставался в мире смертных лишь ради поисков, но теперь, столкнувшись с реальностью, понятия не имел, с чего начать. Тот воин в доспехах с грозowymi узорами... где он теперь? Бессмертные не спускаются в Цзюю, а значит, он должен быть здесь, среди живых. Но в каком краю его искать?

С рождением десятого сына, Ху Пинняня, Великий церемониймейстер Ху Юньшэнь воспрянул духом. Каждый день, отправляясь на службу и возвращаясь домой, он сиял от счастья, словно помолодел на десяток лет.

Жизнь шла своим чередом, и его старший сын, приносивший немало забот, продолжал усердно учиться в университете.

Под конец тридцать второго года эры Дигэн в усадьбе сыграли две свадьбы: с разницей всего в десять дней женились сначала Ху Тан, а затем и Ху Ян.

В Западном саду сделалось шумно. Это вечное веселье и суета со временем начали досаждают даже добродушному Ху Юньшэню, отравляя его семейный покой.

Ссоры и дразги во второй ветви семьи, обитавшей в Западном саду, вскоре перекинулись на третью ветвь, а затем докатились и до главного Восточного сада. Первая госпожа, Цзи Муюнь, потеряла покой. В Восточном саду прислуги было немного, а новорожденный Ху Пиннянь еще не достиг года, и матушка сама нянчила его по ночам. Младенец часто просыпался и плакал, не давая ей уснуть, а тут еще приходилось улаживать нескончаемые семейные распри. Из-за этого Цзи Муюнь совсем извелась.

Ху Юньшэнь всем сердцем любил супругу, но пока была жива Старая госпожа, Лаотайцзюнь, заикаться о разделе имущества и разъезде не смел. Несколько дней он ходил чернее тучи, не зная, как поступить.

Однажды после службы Младший министр образования Чао Ган заметил его хмурый вид и поинтересовался, в чем дело. Выслушав жалобы друга, он тут же предложил выход:

— Разъезжаться не обязательно. Можно просто провести четкие границы внутри усадьбы, чтобы каждый двор вел хозяйство самостоятельно.

От этих слов у Ху Юньшэня загорелись глаза. Он немедленно составил прошение. Поскольку Чао Ган ведал распределением казенных земель и жалованьем чиновников, он без труда одобрил расширение задней части усадьбы Ху в соответствии со всеми указами.

Западный сад усадьбы и без того был просторным, а получив новые земли, строители быстро возвели глухую стену, разделившую владения на переднюю и заднюю части. Между ними проложили широкую трехметровую дорогу для конных экипажей, которая вела напрямик к тракту соседнего ведомства Великого канцлера-архивариуса.

Так позади усадьбы Ху вырос обособленный дом для Третьего господина, Ху Юньсю, а за ним — широкая улица, выходящая к одному из притоков городской реки. Больше всех этому радовалась седьмая барышня, Ху Юньлин: теперь она могла копить личные сбережения, не опасаясь завистливых взглядов и попреков со стороны родственников из Западного сада. Ее мать, госпожа Цзюйхэн, лишь ласково погрозила пальцем своей своенравной дочери.

Старший брат Ху Юньшэнь поступил мудро. Формально семья осталась единой, но фактически они разъехались. Теперь никто не смел указывать им, как жить, и упрекать за то, что их упрямая дочь до сих пор не вышла замуж.

Получив собственный уединенный уголок, Ху Ян по воле родителей и сватов взял в жены семнадцатилетнюю госпожу Фань Иньцы, которая к тому времени как раз окончила Высшую академию. В те годы замужним женщинам позволялось завершать обучение, но без сдачи государственных экзаменов или особых заслуг получить должность при дворе было практически невозможно. И хотя законы империи Великая Чжоу не запрещали женщинам служить отечеству, на государственной службе они встречались крайне редко.

Благодаря влиянию тестя положение Ху Яна в ведомстве укрепилось. Более того, на него обратил внимание сам Чао Ган. Будучи человеком хитрым и дальновидным, Младший министр образования ценил в подчиненных прямоту, усердие и простоту — черты, которыми Ху Ян обладал в избытке. Вскоре Чао Ган назначил его на почетную должность младшего чиновника первого ранга в своем ведомстве.

Усадьба Второго господина, Ху Юньчжи, располагалась по соседству с Восточным садом Ху Юньшэня и выходила на ту же улицу. Однако его владения имели форму трапеции — широкие у входа и сужающиеся к глубине. Он приказал перестроить западные боковые ворота, превратив их в парадный вход. И хотя над ними не повесили табличку с надписью «Усадьба Ху», все домашние теперь пользовались именно этими воротами.

Госпожа Вэньчжан строго наказывала своему сыну Ху Тану:

— Твоя супруга — старшая дочь Великого министра юстиции. Смотри не опорочь имя господина Сикоу! Повесим ли мы когда-нибудь над этими воротами почетную табличку нашего рода, теперь зависит только от тебя.

Ху Тан прекрасно понимал мать. Покровительство тестя позволило ему наконец распрощаться с незначительной должностью в Приказе императорских ритуалов, где он годами прозябал среди музыкальных инструментов. Теперь он перевелся в Министерство юстиции, заняв завидное место младшего следователя с реальной властью под началом помощника министра.

Новая служба пришлась Ху Тану по душе. В сырых, темных подземельях тюрем всегда можно было разжиться звонкой монетой в виде «благодарностей» от подсудимых, что позволяло ему безбедно развлекаться в новых игорных домах на Террасе Крика Журавля.

Его старший брат Ху Кунь также преуспел: выслужив необходимый срок, он получил должность смотрителя императорских конюшен, отвечающего за выезд принцев. А вот Ху Чэнь по-прежнему оставался простым лекарем-учеником в Императорской академии медицины. В этом деле никакие связи не могли заменить подлинных знаний, так что ему оставалось лишь упорно трудиться и ждать своего часа.

Видя, как устраиваются племянники, Ху Юньшэнь понимал, что когда ветви дерева разрастаются, удержать их вместе становится невозможно. Он высказал братьям несколько предостережений и предоставил им самим воспитывать своих детей. Своих забот у него хватало: мало того, что нужно было хлопотать о блестящем будущем Ху Пэя, так еще и младший сын Ху Пиннянь не давал спать по ночам его любимой супруге. Ху Юньшэню оставалось лишь направлять общий курс усадьбы Ху, предоставив остальным самим пробивать себе дорогу в жизни.

Под конец тридцать второго года эры Дигэн, накануне зимних каникул, Ху Пэй официально завершил обучение в Государственном университете. Он стал самым юным выпускником в истории империи Великая Чжоу. Блестяще выдержав суровое испытание перед комиссией из десяти великих ученых мужей во главе с самим Великим наставником, он совершил то, чего не удавалось никому с момента основания государства.

Весть о его триумфе разнеслась по столице, подобно искрам на ветру, и в суровые зимние холода разожгла небывалый пыл в сердцах столичных книжников. Многие студенты затворились в своих покоях, просиживая ночи напролет над древними трактатами, лишь бы не отстать от прославленного господина Линцзюня, окончившего университет в возрасте десяти лет.

Для семьи Ху этот год выдался бурным, полным радостей и забот, но к зиме все разногласия утихли. Собравшись в главном зале Восточного сада, родственники безоговорочно признали главенство Первой госпожи Цзи Муюнь. Братья и сестры теперь держались с Ху Пэем подчеркнуто вежливо и уважительно. Кто осмелился бы перечить юноше, которому сам

Верховный канцлер Цзи Сюэкан заранее пообещал теплое место на службе?

В начале тридцать третьего года эры Дигэн, преподнося праздничные дары, Ху Пэй навестил своего наставника Цзи Сюэкана. Обсудив дальнейшие шаги, они сошлись на том, что лучшим выбором станет должность правого напominателя при Великом правом помощнике — чин, ведающий исправлением упущений в делах двора.

В те времена государственные должности в империи Великая Чжоу не делились на строгие ранги; они различались лишь названиями и кругом обязанностей, которые порой оставались весьма размытыми. Великий правый помощник входил в число четырех советников государя, наряду с Великим левым помощником, Великим советником по предвидению и Великим канцлером-архивариусом. Эти четыре высших сановника служили связующим звеном между императором и шестью министерствами, являясь, по сути, доверенными лицами государя.

Император питал особое доверие к должностям левого и правого помощников. Пост правого напominателя под началом Великого правого помощника Чжуан Сянжу, подкрепленный тем, что Великий канцлер-архивариус Фань Синь приходился семье Ху близким родственником, открывал перед Ху Пэем блестящие перспективы.

Для самого Ху Пэя это была редкая возможность лично представать перед государем, что значительно сокращало его путь к вершинам власти. Для Цзи Сюэкана же, возглавлявшего шесть министерств, этот выбор сулил немалую выгоду. Как Верховный канцлер, он управлял всеми делами Поднебесной, однако его решения должны были проходить через одобрение четырех советников перед тем, как лечь на стол императора. Правый напominатель мог стать тем самым идеальным связующим звеном, облегчающим продвижение нужных указов.

Хотя четыре советника не обладали исполнительной властью, они имели прямой доступ к императору. Цзи Сюэкану требовался доверенный человек в их ведомстве, способный укрепить его позиции накануне грядущей смены власти на престоле. К тому же выдающийся ум и редкая красота Ху Пэя гарантировали, что император непременно запомнит его, что было крайне выгодно для его наставника.

В первый день весенних придворных аудиенций тридцать третьего года эры Дигэн одиннадцатилетний Ху Пэй облачился в парадное черное одеяние с алыми каймами, расшитое тонкими шелковыми облаками. Этот строгий наряд выгодно подчеркивал его безупречно белую кожу, отчего юноша казался сошедшим с небес небожителем.

Под предводительством Цзи Сюэкана он прибыл в ведомство советников, чтобы официально заступить на службу к Великому правому помощнику Чжуан Сянжу. Тот давно был наслышан о молодом даровании, но когда этот хрупкий, точно высеченный из нефрита отрок шагнул вперед из-за спины канцлера, старый сановник невольно замер от восхищения.

Ху Пэй в темном шелковом халате, с изящным нефритовым гребнем в волосах, казался чистейшим куском драгоценного нефрита. Лик его был безупречен: глаза блестели, подобно звездам в ночном небе, а благородные черты лица напоминали нежный горный ландыш. Любой, кто смотрел на него, невольно проникался симпатией, и суровость в его душе таяла без следа.

Глядя, как Ху Пэй совершает чинный поклон, Чжуан Сянжу мысленно представил, каким величественным мужем тот станет в будущем, и негромко произнес:

— Словно одинокая сосна на отвесной скале, прекрасен, как нефритовая вершина под утренними лучами солнца. Глядя на твое величие и природную грацию, я чувствую лишь собственное ничтожество.

С этими словами старик утер набежавшую слезу умиления и ответил юноше столь же почтительным поклоном, какой подобает равному по положению ученому мужу. Ху Пэй лишь мягко улыбнулся и без тени смущения вернул приветствие с величайшим изяществом.

«И впрямь, искренность — редкое качество Чжуан Сянжу, именно за это государь его и ценит», — удовлетворенно подумал Цзи Сюэкан. Обменявшись любезностями с советниками и дав Ху Пэю последние наставления, он покинул ведомство и вернулся в свое министерство.

Вскоре слухи о необычайной встрече Великого правого помощника с юным правым напминателем дошли до императора Сюаньюаня Ди. Теряя с годами былую бодрость, стареющий владыка все больше тяготел к прекрасному и возвышенному, а потому из любопытства повелел призвать юношу пред свои очи. Увидев Ху Пэя, император не стал плакать от восторга, подобно своему советнику, но искренне похвалил:

— Ху Юньшэнь вырастил достойного преемника.

С того дня положение Ху Пэя в ведомстве советников стало незыблемым. Чжуан Сянжу относился к нему как к равному коллеге: показывал все доклады с мест и часто спрашивал его совета. Выслушав рассудительные ответы юноши, старый сановник довольно поглаживал бороду, а затем брал его с собой во дворец на аудиенцию к императору, где при каждом удобном случае расхваливал своего помощника. Это не только позволило Ху Пэю досконально изучить положение дел в империи, но и открыло ему двери в покои Великого золотого дворца. Милость государя и всеобщее признание доказали Цзи Сюэкану, что его замысел увенчался полным успехом.

В разгар весны благосклонность императора к Ху Пэю достигла такой силы, что даже священный обряд вознесения благовоний во время весенних жертвоприношений государь поручил не собственным сыновьям, а новому любимцу, повелев ему лично отправиться на гору Скрытого Дракона. Это была величайшая милость, подтвердившая высокий статус юноши, которого в народе величали не иначе как господином Линцзюнем.

Приняв императорский указ, Ху Пэй отправил торжественный эскорт вперед, а сам поехал следом в скромном экипаже, которым правил преданный слуга Ху Линь. Стоило им миновать южные ворота Золотой столицы, как повозка плавно остановилась. Ху Пэй, сохраняя привычное спокойствие, остался сидеть внутри, как вдруг снаружи раздался звонкий, слегка резкий голос, в котором еще трудно было угадать мужчину или женщину:

— Эй, Ху Пэй!

Ху Пэй отодвинул бамбуковую занавеску и выглянул наружу. На статном коне сидел широколобый юноша. Его лицо, утрачивая детскую округлость, приобретало резкие, мужественные черты, но в упрямом взгляде все еще сквозила прежняя ребяческая чистота.

— Чао Цо, — тепло отозвался Ху Пэй.

От его мягкой улыбки молодой воин едва не растерял всю свою напускную суровость. Силясь сохранить холодный вид, он напустил на себя равнодушные:

— Куда это ты направился?

Зная, что Чао Цо вовсе не так суров, каким хочет казаться, Ху Пэй лишь добродушно усмехнулся:

— Получил повеление государя совершить весеннее жертвоприношение. Еду на гору Скрытого Дракона.

Весенний обряд считался важнейшим делом государственной важности, ведь от него зависел будущий урожай. В последние годы стареющий император редко совершал его лично, поручая это принцам, и то, что выбор пал на Ху Пэя, говорило о безграничном доверии владыки. Чао Цо, воспитанный отцом-министром, неплохо разбирался в придворных делах. Он мгновенно оценил важность этого поручения и, несмотря на упрямое соперничество, в глубине души порадовался за товарища.

Живя в Золотой столице, Чао Цо то и дело слышал о невероятных успехах Ху Пэя, но им никак не удавалось встретиться лицом к лицу. Сегодня, торопясь на встречу с наставником Оуяном Юйху, он заприметил знакомый экипаж семьи Ху под управлением Ху Линя и не удержался, чтобы не преградить дорогу. Стоило ему вновь увидеть эту улыбку — такую же изнеженную и красивую, как у девицы, — как в груди странно екнуло.

«Чертов неженка...» — мысленно выругался Чао Цо, досадуя на то, что глупое сердце забилось чаще от одного лишь взгляда на старого соперника. Это было совершенно нелепо.

Справившись с секундным замешательством, Чао Цо недовольно буркнул:

— Мой учитель, а в прошлом и твой наставник Оуян сейчас ждет в павильоне Баньсин. Желает повидаться?

Ху Пэй слегка удивился, но улыбка не сошла с его лица. Павильон Баньсин был известен как место, где провожали путников в дальнюю дорогу. Зная, что наставник Оуян ушел со службы в академии, Ху Пэй перевел взгляд на стоящую поодаль повозку и, заметив глубокие колеи от тяжелых сундуков на размякшей весенней земле, понимающе промолвил:

— Наставник отправляется в странствие по Поднебесной... а ты едешь с ним, чтобы учиться.

— Хм... От господина Линцзюня иного и не ждешь. Хватило одного лишь упоминания павильона Баньсин, чтобы разгадать наш замысел, — Чао Цо отвел взгляд, сиюсь скрыть досаду.

Данное когда-то в стенах академии обещание превзойти соперника все еще жгло ему душу. Но Чао Цо понимал: как бы он ни старался, ему не догнать Ху Пэя, который в свои юные годы уже оставил далеко позади всех сверстников Поднебесной.

Пришпорив коня, он умчался вперед. Ху Пэй взглянул на небо и велел слуге направить экипаж к павильону.

Там, под сенью склонившихся к воде молодых ив, чьи ветви напоминали зеленые шелковые ленты, в простом дорожном халате стоял наставник Оуян. Он с мягким спокойствием смотрел на приближающегося Ху Пэя.

— Учитель, — Ху Пэй со всей почтительностью совершил поклон ученика перед Оуяном Юйху.

— Хорош, — старый наставник довольно оглядел возмужавшего юношу и с улыбкой продекламировал: — «Прекрасен, точно белый нефрит, статен, как молодой бамбук на ветру. Нет равных ему в Поднебесной, и имя ему — Линцзюнь».

Ху Пэй весело рассмеялся:

— Мои скромные достоинства не заслуживают столь высоких слов, учитель.

Оуян Юйху подозвал стоявшего в стороне хмурого Чао Цо и обратился к Ху Пэю:

— Что скажет господин правый напоминатель о моем юном ученике?

— Внешне крепок, но в душе чуток и мягок. Он подобен затаившемуся тигру, который в один прекрасный день взлетит до небес и огласит мир грозным рыком. Ученики, вышедшие из-под вашего начала, всегда становятся лучшими, — с теплой уверенностью произнес Ху Пэй.

Чао Цо сердито надулся:

«Тоже мне, хвалит он! Кто это тут мягкий? Да мягче и изнеженнее тебя во всей столице не сыщешь!»

Хоть он и понимал превосходство Ху Пэя, упрямая гордость не позволяла ему смириться.

Оуян Юйху громко рассмеялся и одобрительно кивнул:

— Линцзюнь верен себе: одной фразой умудрился польстить троим сразу. Великолепно! — Он сделал шаг вперед и уже серьезнее добавил: — Ты рожден для великих дел при дворе и со временем непременно станешь опорой государства. Признаться, три года назад я недооценил твой полет.

Ху Пэй прекрасно понимал, о чем говорит старик. Тот факт, что он обошел влиятельный конфуцианский клан Оуян и отказался от возможности в будущем занять пост Великого наставника ради союза с гонящимся за мирской славой Цзи Сюэканом, многие сочли бы сомнительным решением. Для идеалиста Оуяна Юйху, посвятившего жизнь истинному учению, выбор Ху Пэя казался уходом с праведного пути в пучину придворных интриг.

Ху Пэй почтительно склонил голову:

— Мудрецы говорят: «Учитель на день — отец на всю жизнь». Вы, наставник, открыли мне законы бытия и научили истинной добродетели, дабы я мог приносить пользу миру. Мой господин Цзи Сюэкан указывает мне практический путь в делах управления государством. Для меня вы оба — великие учителя, чьими советами я дорожу. Позвольте мне проводить вас в этот путь. Пусть небеса над вами будут ясными, а дороги — легкими. Ваше благородство я навсегда сохраню в своем сердце.

Старый наставник с облегчением вздохнул. Судя по этим словам, Ху Пэй твердо стоял на ногах и не собирался разменивать свою душу на чины и почести. Он бросил взгляд на стоявшего рядом Чао Цо, который упрямо кривил рот. Этот юноша был подобен необработанному нефриту, которому дальнейшее странствие должно было помочь обрести истинную форму и закалить дух.

— Благодарю за добрые слова, Линцзюнь, — тепло ответил Оуян.

Ху Пэй совершил прощальный поклон наставнику, вежливо кивнул Чао Цо и, заметив, что к павильону приближаются другие провожающие, направился к своему экипажу.

В этот момент Чао Цо не выдержал. Шагнув вперед, он звонко крикнул вслед:

— Ху Пэй! Слышишь меня? Жди! Когда я вернусь в столицу, я разрушу твои хрупкие грезы

блеском своей стали! На вершине власти непременно найдется место для меня, Чао Цо!

Ху Пэй приподнял бамбуковую занавеску экипажа и ответил разгоряченному юноше лишь мимолетной улыбкой — чистой и безмятежной, подобно весеннему ветру.

От этого взгляда у Чао Цо на мгновение перехватило дыхание, а сердце предательски пропустило удар. Он досадно стиснул зубы, мысленно понося соперника:

«Да что ты скалишься? Думаешь, я хуже тебя? Чертова девчонка Ху Пэй!»

— В нем горит истинный огонь юности, — негромко произнес Оуян Юйху, глядя вслед удаляющейся повозке. — Он, без сомнения, самый одаренный юноша вашего поколения.

Сказав это, старый наставник повернулся к подошедшим друзьям, чтобы обменяться прощальными поклонами.

Слыша слова учителя, Чао Цо продолжал смотреть на дорогу, где постепенно таял вдали силуэт кареты Ху Пэя. Юноша крепко сжал кулаки, чувствуя, как в его душе поднимается странная, щемящая тоска, которой он не мог найти объяснения. Первое глубокое чувство родилось незаметно, и он даже не догадывался, когда именно оно успело пустить свои корни.

<http://bllate.org/book/18313/1761834>